АННА ВЕЛЕС

КРОВЬ НА КРУЖЕВЕ

Анна Велес

Кровь на кружеве

«Автор»
2026

Велес А.

Кровь на кружеве / А. Велес — «Автор», 2026

1892 год. Провинциальная Тверь. Из реки Тьмаки возле паровой мельницы работяги вылавливают труп девушки. Купец Куров, не желая портить репутацию своего предприятия, быстро посылает экипаж за судебным следователем Арефием Павловичем Угримовым. Прибывает и полицейский сыскарь. Осматривая место, оба чиновника начинают сомневаться, что девушка утопилась сама. Позже городовой врач подтверждает, что бедняжка была убита, а после сброшена в воду с Тьмацкого моста. Опрос по домам не дает результатов, не пропадала никакая девица в слободах и мастеровых кварталах, не слышали о такой и на торгах. На погибшей была лишь сорочка, и даже она представляет собой загадку. Сшитая из грубой "казенной" ткани, но обшита ручным кружевом, вышиты на подоле инициалы и странный значок, похожий на птичку. Расследование приводит судебного следователя в женскую учительскую школу. Но там ли искать убийцу?

© Велес А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава первая 7
Глава вторая 14
Глава третья 20
Глава четвертая 26
Глава пятая 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Анна Велес
Кровь на кружеве

Пролог

Нет, всем же понятно, нормальную реку Тьмакой не назовут. Вода тёмная, в солнечный летний полдень дна даже у берега не разглядишь. Течёт лениво, а сильна водами. А как разливается? Сейчас осенью, чуть малый дождь, уже по всей округе слякоть. Вон, с обеда льёт сегодня, так кругом точно болото непролазное. А по весне вообще страх, что творится! Затопляет все огороды, до храмового двора доходит. Точно тёмная река, нехорошее место.

А ещё и мост этот чёртов! Низкий, пол-аршина до воды. С такого по пьяному делу сверзнешься, с головой окунешься, а там об деревянные опоры двинешься. Всё! Верная смерть.

И вечно у этого моста тихо. С этой стороны, со Знаменского переулка, ещё ничего, а там, на той стороне, в Затьмачье страх один. Домов не видать, пока огородами пробираешься, по темноте, когда только и видать тускло оконце в Покровской церкви светится. А встретишь кого, так лучше прятаться! Там не разберешь, живой идёт, али утопленник выполз, да навстречу тебе тащится.

Таких отговорок у Осипа было много. Был он суеверен и трусоват, что давало ему и некое удобство перед его женой Катериной, когда вечером он особо задерживался в торговых рядах, обязательно женщине зубы заговаривал подобными байками.

Осип к тому же был ленив, особо делать ничего не умел, да и обучаться какому ремеслу не желал. Потому обычно он лишь нанимался крючником, тяжёлые мешки волохать, к хозяевам лавок в тех же Торговых рядах, да пару раз подрабатывал на Куровской паровой мельнице. Доход имел с этого дела совсем скромный, за что его та же Катерина бранила нещадно, а пару раз в сердцах даже за жидкий чуб таскала.

Так имея представление, что жена дома ему не очень и рада, Осип заимел привычку по вечерам заходить в один трактир, с хозяином которого приятельствовал, и где даже помогал пару раз всё тем же своим простым ремеслом. За три копейки получал чарку полугара и кусок хлеба "на занюхать". Таким образом, Осип и время встречи с любимой женой оттягивал, и чуть подогревал свою смелость, чтобы дойти до родного двора через тёмную реку да чёртов мост.

Сегодня день выдался совсем плохим. Всё из-за того же дождя торги шли вяло, товару брали в рядах неохотно, всё больше гуляли по лавкам, где пусть и дороже, да в непогодь уютнее, или же вообще в столовых, буфетах и трактирах сиживали. Осипу, правда, это оказалось, наоборот, на руку. Желая спасти товар от сырости, его сегодня многие в помощь кликали, за что и платили щедрее. Да только сам Осип тоже промок, продрог, да умаялся к вечеру. Но всё же имел сегодня возможность получить у приятеля больше своего волшебного храбрящего средства.

Вышел он из трактира позднее обычного. Дождь к тому времени стал совсем мелким, противно моросил, зато похолодало к ночи. Подогрев оказался Осипу кстати, только, миновав храм Симеона Столпника, проковыляв по переулку дальше, проходя вдоль мельницы, мужик подумывал о том, что, возможно, надо было ещё больше взбодрить себя да прогреть, потому как нынче погода из него хмель быстро выбьет. А тут ещё и мост, и река...

Уличные фонари, горящие на масле, много света не давали, из-за дождя казалось ещё темнее, и туман уже от воды поднимался. Но хоть что-то было видно на улице. Когда же Осип миновал последний фонарь, прошёл к спуску на мост, впереди всё утонуло в ночной темноте. Он решил помедлить пару минут, пока глаза свыкнутся. Заодно собраться с силами перед тем,

как миновать нелюбимое "плохое" место. Остановился, стоял, ждал, только ни храбрости, ни света ему, ясно дело, ожидание не прибавило.

Смирившись с неудачей, уже собрался Осип перебежать мост, когда привиделось ему нечто из ряда вон выходящее и пугающее больше, чем все, что он сам способен был себе придумать. Глаза мужика все же немного с темнотой ночной свыклись, и потому смог различить он нечто еще более темное и странное, двигающееся по той стороне Тьмаки. Было это чудовище огромным, казалось сначала, лишенным формы, но живым. Осип рванулся в сторону, прижался всем телом к дереву, росшему неподалеку, даже лицо рукавом прикрыл, прикусил ткань, дабы не заорать. Простоял так с минуту, а потом все же глаз один, прежде зажмуренный, приоткрыл, глянул.

Темное чудовище застыло на мосту. Прямо посредине встало. И теперь уже, напрягши глаза, можно было разобрать, что это не нечисть какая, а карета. Только черная она, жуть! И лошадь тоже темной масти, вон, стоит, храпит, копытом по доскам моста бьет. Нехорошо это. Нет, таких карет в Твери нету. Точно, из самого ада кто пожаловал. Небось, как раз из Тьмакской разлитой воды, из грязи, чертова повозка и выкатилась. Только бы не попасться, не пикнуть, не дышать даже. Заметят, с собой уволокут.

Так и стоял он, прижавшись к дереву, страшился двинуться. Но продолжал смотреть, потому как, хоть и страшно было, но любопытно, за кем черти пожаловали. Одного из них Осип точно разглядел. На козлах, некто высокий, мощный. И тоже чернющий весь. Черт, одно слово. Наблюдал мужик, как слез этот черный с лавки, пошел куда-то вдоль борта. Как открыл дверцу и стал что-то наружу выволакивать.

Тишина стола гробовая, и темень. Отчего все казалось Осипу еще более ужасающим. Скулить от страха тянуло, да только он вцепился плотнее зубами в рукав, и все смотрел, как черт этот вытащил свою ношу. Что-то такое белесое, небось, душа пойманная. Мелкая, скомканная, но на черном еще видна. Черт повернулся с ношей в руках, поднял жертву свою выше, а потом бросил вниз. Под мост! Точно в проклятые Тьмацкие воды! В тишине Осип даже слышал плеск, когда душу воды взяли.

Ему совсем уже невмоготу от страха было. Мужик сполз по стволу, лег на землю, голову руками прикрыл и молился про себя Богородице. Только бы пронесло, только бы черт в своей колымаге его не приметил, не засек. Так и лежал, когда стук копыт приблизился, когда мимо него проплыла дальше, по ночному Знаменскому жуткая карета, куда-то вперед к Торговым рядам.

Когда все стихло, подняться Осип боялся, только чуть голову повернул. Но ничего и близко не было. Черная колымага будто и растаяла в воздухе, вместе с самим чертом, что ею правил. Была только ночь, все та же тишина, и еле слышный шелест дождя. А еще холод, залезающий под старый тулуп и сырость от земли.

Мужик кое-как все же поднялся. Весь грязный, трясущийся, разом от пережитого ужаса протрезвевший. Встал во весь рост, посмотрел на мост, на тьму за рекой, и сдался. Пусть потом Катерина хоть коромыслом гоняет, но нет у него сил домой идти. Да и околеет, пока доберется. Осип запустил руку в карман. Пальцы еще тряслись и никак не могли сразу нащупать оставшиеся копейки. Кое-как выловив свой скудный сегодняшний доход, мужик посчитал монетки, потом развернулся и припустил почти бегом прочь, обратно в трактир. Не погубят люди добрые, и выпить нальют, да и точно же, в угол на ночь пустят. Он в любой сарай согласен забиться. Только бы черту в колымаге не достаться!

Глава первая

Отец судебного следователя по Твери, Арефия Павловича Угримова, соответственно, Павел Фролович, был всегда человеком в денежных делах смекалистым и хватким, вкладывался в различные предприятия, и в результате имел неплохой доход, или как стали говорить - капитал. Дотянув до чина подполковника, он с воинской службы ушёл и получил гражданскую должность в городской управе Торжка. Там же в городе и прикупил для них с супругой особняк в конце одной из центральных улиц. Чтобы по работе ходить недалеко, и все местные места увеселений были рядом.

Когда же сын его окончил столичное училище правоведения и определился в Тверь на службу, Павел Фролович прикупил и тут домишко. Небольшой, но двухэтажный, каменный да с дворовыми пристройками, даже с тесной, но банькой. Стоял он в дальнейшем конце улицы Секретарской, под номером 27.

Маменька Арефия Павловича тоже пожелала о любимом сыне позаботиться и отрядила ему компаньонов. Были они из бывших крепостных семей, кто к хозяевам, как к родным относился, потому так на службе и остался, за достойную плату. Приехал с молодым барином в новый дом Степан. Был он всего на пару лет Арефия Павловича старше, но при этом в плечах значительно шире, силён немеренно, да главное, в хозяйстве хваток и разумен. Также с ними прибыл Прохор, кто и на посылках скор и по-хорошему хитёр в делах, и жена его Фрося, кухарка от бога.

Арефий знал их всех с детства, был даже с мужиками дружен по-своему, так что компания его не тяготила. Сам молодой барин в быту был скромен, да и на службе проводил времени много, потому заявил он, что займёт лишь две комнаты на втором этаже, как это было принято называть, на антресоли, а дальше пусть его компаньоны сами домом руководят, как знают.

Степан рассудил разумно, и в свободные комнаты на первом этаже стал пускать приезжих на постой. Фрося с мужем за бытом смотрели исправно, чтобы и гости довольны были, да главное, и барин жил в заботе и комфорте. Дело у них пошло на удивление неплохо, и доход получился не большой, но стабильный. При своём жаловании, да с такой добавкой денежной, Арефий Павлович мог позволить себе франтить, шить на заказ наряды по современной моде, да бывать в Гостином дворе и Общественном собрании на театральных вечерах, на танцах, и посещать другие увеселения.

Однако же, случалось, и часто, что жизненные обстоятельства, служба, а то и просто – погода, не способствовали походам куда-либо. Вот так весь день с обеда шел противный октябрьский, уже довольно холодный дождь. На улицах было уныло и противно. Однако, Арефий Павлович не был склонен к хандре, и спокойно рассудил, что не без удовольствия проведет вечер дома.

Так они с товарищами, пусть словом этим и было принято называть должностных помощников, а барин никак иначе не воспринимал своих людей, просидели за ужином. Фросина стряпня кому угодно могла поднять настроение, да к тому же для общего удовольствия Арефий Павлович выискал в своих запасах штоф отличной сливовой настойки. Степан и Прохор дегустировали продукт весело и щедро, Фрося же лишь чуть пригубила из лафитничка и питье отставила. Барин забеспокоился о ее здоровье, но тут и выяснилась новость, что кухарка его на сносях.

Известию этому Арефий Павлович порадовался так, будто ожидал появления родного племянника. Ведь в детстве, в папенькином имении все они были верными друзьями по играм, и даже первую грамоту учили вместе. И хоть Фрося да Прохор сами были младше своего барина на три года, часто справлялись лучше него, если не в письме, то в счете, которому их тоже учили. Но по доброте душевной, помогали Арефию подсказками.

- Приданое ребеночку надо, - решал барин теперь, сидя на кухне с компаньонами. – Завтра же денег сниму. И себе прикупи одежки новой. И да, зима же! Фрося, тулуп мой с бобровым воротом заберешь, надо только найти, кто его под тебя подгонит.

- Успокойся, барин, - смеялась женщина. – На приданое я и сама скопила. И пошить себе могу, даже тулуп твой сама могу переделать.

- У нее пальчики чистое золото, - увещевал счастливый Прохор. – Она же половине девок из Мещанской слободы блузки да сорочки шьет, платьям подолы подгибает, как сейчас по моде. И с тулупом справится.

- Да жалко тулуп-то, - качала Фрося головой. – Как ты в мороз-то, барин?

- Я за три года его и пяти раз не надевал, - легкомысленно отмахнулся Арефий Павлович. – Носи! Тебе мерзнуть нельзя. И чтоб без пальто даже по двору не бегала!

- Вот это дело, - заметил Степан. – Поберегись сама. Комнаты прибирать, воды да дров таскать, это мы теперь с Прохором сами. Руки есть, да и давно уже приноровились порядок держать.

- Может, помощницу поискать? – предложил задумчиво Арефий Павлович, пригубив еще сливовой. Ему упрямо хотелось облагодетельствовать кухарку. – Оно так спокойнее будет.

-Мне-то что? Без дела сидеть? – забеспокоилась женщина. – Этак я точно какую немочь подхвачу.

- Так ты шей! – рассудил Степан. – У нас все равно никогда все комнаты заняты не бывают. Одну, что посветлее освободим. Вот дальше у тех же девок из слободы заказы и бери.

- А я еще других приведу, - поспешил добавить Прохор. – Тут только верно слух пустить надо. Из Ямкской подтянутся. Да ты и купчихам угодить можешь. Работа у тебя тонкая, красивая, и говорить ты с ними умеешь правильно.

Муж кухарки в таких делах был мастер. К ним в дом на постой народ и шел, после того, как Прохор и нужный слух пустил, и правильным людям, вроде тех же старост, да кузнецам, что дело рядом имели, и санитаркам в больнице губернской, мелкие подарки преподнес. Вот те в ответ приезжим адрес подсказывали.

- Тогда точно нам без помощницы не обойтись, - утвердился в своем решении барин. – Вы тут новое дело развернуть решили. Оно неплохо, да прибыльно, но руки лишние не помешают. Надо бы нам найти женщину проворную, чтобы у Фроси на подхвате была. Не глупую и покладистую.

- Вот это задача! – оценил Степан. – Тут баба нужна не первой молодости. Ведь у девок-то ветер в голове, они только и смотрят, куда замуж податься. Лишние хлопоты с ними. А ловких, да рукастых давно уже в другие дома разобрали.

- Но поискать надо, - строго настаивал Арефий Павлович. – Ну, ежели не найдем, тогда маменьке отпишу, она кого пришлет. Время-то есть? Фрося, что врач говорит? Когда рожать-то?

- Да, а что мне к врачу бегать? – удивилась она. – Не хвораю я. А срок и без лишней помощи знаю. К марту ребеночек будет.

- Как без врача! – всполошился барин. – Тебе себя и будущее дитя беречь надо! И дальше как? Кто принимать-то станет?

- А то в слободах бабок-повитух нет, - проворчала Фрося.

- Вот не нравится мне это, - начал хмуриться и Прохор. – Какую-то там старуху звать. До больницы дойдем, если что. Тут же на соседней улице.

- Сам врача найду, будет ходить и наблюдать, чтобы до самого марта, все как надо было, - непререкаемо заявил Арефий Павлович. – Спорить нечего.

- Дорого же, - робко напомнила женщина.

- Скопил кое-что, - сказал барин. – Мне-то тратиться особенно не на что, да и некогда. Врач будет. И Степан, нам бы дров больше закупить. Чтобы наверняка в доме всегда тепло было. Посчитай, сколько надо. Да и вообще, прикинь, если что еще по хозяйству пригодится.

- Сделаю, - спокойно согласился его старший компаньон. – И сам пройду, цены да товар посмотрю, чтобы и выгоднее, и надежнее было брать.

- Дело! – оценил Арефий Павлович. – Прохор, разливай еще. А после чаю!

- Так я же пирогов спекла! – засуетилась Фрося. – Сейчас чуть погреть в печь поставлю!

Так они посидели еще, теперь уже вели разговоры простые, к общему веселью. Вспоминали детство, или же Степан рассказывал что-то забавное о постояльцах, а Прохор – сплетни с Дровяной площади и с самых торгов. После чая засобирались спать, но Арефий Павлович решил еще посидеть у себя в кабинете. В прошлом месяце он купил пару новых английских романов, а только сейчас появилась оказия спокойно почитать.

Когда Степан пришел будить его, за окнами еще было совсем темно, и Арефий Павлович поначалу и не разобрался. Думал, что заснул в кабинете в кресле, что с ним ранее не раз бывало. Однако же, нет. Спал он в кровати, и Степан, стоя со свечкой, тряс его за плечо.

- Вставай, барин, - говорил он. – За тобой гонца прислали.

- Час-то который? – жалобно осведомился судебный следователь.

- Только шесть минуло, - ответил Степан. – Не обессудь, воду успел чуть нагреть. Если быстро ополоснешься, еще терпеть можно.

Арефий Павлович поднялся с кровати, забрал у товарища миску, пошел к рукомойне. Степан уже раскладывал на кровати сорочку, жилет да мундир.

- Нет, – решил следователь, с отвращением плеснув на лицо чуть теплой водой. – Пора дров купить. И топить лучше.

Степан только хмыкнул весело на баринову изнеженность и ворчание.

- Так что там гонец? – вода сон отогнала немного, и теперь, натягивая сорочку, возясь с пуговицами, Арефий Павлович начал задумываться о службе. – Мальчишка какой? Что-то говорит?

- Кучер там, - сообщил ему товарищ. – От купцов Куровых. У мельницы девицу из воды выловили. Вот за тобой и экипаж послали.

Арефий Павлович уже ранее водил знакомство с Куровыми, когда, по долгу службы, расследовал кражу немалой суммы, которую совершил один из счетоводов мельницы пару лет назад. С тех пор купцы поддерживали с чиновником если не приятельские отношения, то просто были хорошими знакомцами и уважали друг друга.

Ясное дело, новый печальный инцидент для Куровых нехорош, потому как может сказаться на деловой репутации, да и лишний шум им ни к чему. Стоит решить дело быстрее, вот за следователем и послали кучера да с экипажем.

- Тебе бы поесть, барин, - заметил Степан и установил на комод тарелку и кружку. – Вот, тут курник вчерашний. И молока еще.

Арефий Павлович одной рукой возился с мундирными пуговицами, другой схватил кусок пирога, откусил и начал жевать.

- Чего всухомятку! – возмутился его товарищ. – Запить надо.

- Не люблю молоко, - буркнул следователь немного капризно, и засобирался к лестнице, ведущей со второго этажа.

- Чаю нагреть бы не успели, - Степан шагал за ним следом. – Так ты и пирога не доел!

Но следователь уже накинул на плечи пальто, времени не было, хотя это изрядно портило его настроение, и слишком ранний подъем, да и отсутствие приличного завтрака.

- Может, на обед успею зайти, - прикинул он, уже направляясь к дверям. – Пора мне, Степан.

Кучер Куровых ждал судебного следователя на улице, стоял, чуть ссутулившись, кутаясь в плащ, грел дыханием озябшие руки. Арефий Павлович хотел, было, посетовать, что не стоило человеку мерзнуть, мог бы ив сенях погреться пока, но услышав, как отворилась дверь, кучер тут же живо обернулся.

- Быстро вы, ваше высокоблагородие! Хозяин доволен останется.

Следователь подошел к экипажу, забрался на ступеньку, устроился на сиденье.

- Хорошо, если так, - позволил он себе легкую иронию. – Поедем?

Кучер тоже уже успел взобраться на козлы и тут же тронул поводья. Лошадь двинулась вперед, с шага перешла на мелкий бег. Они покатили по Секретарской. Судебный следователь полагал, что далее, на Скорбященской, повернут на Миллионную, где проезжая часть шире. Но кучер направил экипаж влево, покатил по той же Скорбященской дальше, почти до самой Сенной площади.

Лошадь шла легко, быстро, копыто мягко ступали по промокшему от дождя грунту, но не утопали в нем, все же улица эта была натоптана и даже луж мало. С площади повернули на Космодемьянскую, где пришлось иногда ехать медленнее, когда попадались вымощенные камнем куски мостовой. Кучер берег свою животину, давал ей ступать осторожно, чтобы не свернула ногу на скользких от влаги камнях.

Зато по этой улице напрямки можно добраться до моста через Тьмаку, возле которого и стояла паровая мельница Куровых. Докатив до места, кучер натянул поводья, останавливая экипаж прямо посреди проезда на Знаменском переулке. Сбоку возвышалось здание предприятия, ближе к мосту так же перегораживая въезд на мост, торчала телега. Арефий Павлович легко мог догадаться, что за печальный груз лежит в ней. Потому, сойдя с экипажа, сразу направился ближе. Света тут у моста было совсем мало, фонарь на углу здания паровой мельницы горел тускло. Все, что смог разглядеть следователь, так это какую-то ветошь, чем покрыли покойницу, да одно яркое пятно, тоже ткань, причем белая, просвечивала в одну из дыр, явно наряд утопленницы.

От его вида Арефию Павловичу сразу стало неприятно грустно, как если бы это был знак, насколько неправильным было совершенное злодеяние. Но следователь привык не выказывать своих эмоций, остановился у борта, повертел головой, ища помощи, кого позвать, чтобы ему принесли фонарь или хотя бы даже факел.

Слева кучер поглаживал морду коня, что-то бормотал ему ласково, стараясь успокоить животное, напуганное смертью, которую учуяло. А рядом с ними стоял еще один человек, кто поспешил следователю на встречу. Арефий Павлович признал в нем второго сына купца Курова. Василий Флорентиевич был человек интересный. Его манеры и привычки легко позволили бы купцу сойти за своего в любом дворянском собрании. Всегда одет по последней моде, аккуратен, деловит, идеально знаком с этикетом. Он так же обладал удивительно правильной речью, знания его и интересы вызывали уважение следователя, потому общался с купцом Арефий Павлович всегда с большим удовольствием.

- Ваше высокоблагородие, - еле заметно поклонившись, обратился к следователю купец. – Прощения прошу, что в такой час да по такому скорбному делу встречу нашу торопил.

- Здравствуйте, Василий Флорентиевич, - учтиво отозвался Арефий Павлович. – Хоть и при таких обстоятельствах свидеться пришлось, да все равно новой встрече рад.

- Взаимно, - прозвучало это у купца искренне и даже будто с неким облегчением. – Но дело наше решать надо. Не обессудьте, Арефий Павлович, но мы тут похозяйничали. Убрали ее с глаз, а то народ простой, пугливый, нечего страху наводить. Но только, как из воды вытащили, так и есть, не ворочали и не беспокоили, лишь на телегу ее бедняжку уложили.

- Конечно, - все доводы следователь знал наперед, и мог с купцом согласиться. – Сами не видели лица ее? Что-то сказать можете? Вроде бы, утопленница молода?

Он снова подступил ближе к краю телеги, даже приподнял мешковину. Но кроме спутанных темных волос и белизны одеяния рассмотреть что-то было трудно.

Василий Флорентиевич махнул кому-то рукой, и тут к ним подоспел мужик с фонарем. Да только в тусклом свете картина изменилась мало. Разглядел следователь, что утопленница лежит на животе, и только чуть лицо видно. Кожа неприятно синюшная, с черными кругами вокруг глаз и такими же губами. И еще ее остекленевший остановившийся взгляд, казавшийся тоскливым и мученическим.

- Вода тело попортила, - признал грустно Арефий Павлович. – Но все же, кажется мне, девица она. Да и наряд ее странный не заметить трудно.

- Я не более вашего увидел, - рассказал купец. – Хотя на телегу при мне грузили. Простоволосая, босая и раздетая. Отчего тревожно мне думать, какая судьба ее Тьмаку привела.

Следователь только кивнул. На теле девицы лишь тонкая сорочка. И пусть далеко не зима еще, да все же в конце октября в таком виде на улицу не выйдешь, хотя и в иную погоду не пристало девкам в исподнем бегать. Потому невольно наводило это на мысль о злом мужском умысле против погибшей. То ли она в водах от насильника спасалась, то ли со стыда в реку кинулась.

- Давайте уже оставим ее, - отвернувшись от телеги, предложил следователь то, чего купец от него и ждал. – Пусть везут тело к городовому доктору. А мне нужно посмотреть место, где ее нашли.

Василий Флорентиевич тут же отдал короткий приказ кучеру, отослал и мужика, кто держал для них свет. Следователь заметил стоящего так же неподалеку городового. Даже в темноте было видно, как блестит яркая обшивка его камзола. Арефий Павлович махнул приветственно, подзывая того ближе. Лицом городовой казался знакомым, потому следователь приветствовал его и указал на телегу.

- Надо бы сопроводить.

Городовой с охотой согласился. Ему давно надоело стоять на холоде, да суматоха такого утра служивому явно была не в радость. Он поспешил обойти телегу и устроиться рядом с кучером на скамье.

- Идем, Арефий Павлович, - пригласил Куров следователя, пока повозка разворачивалась в сторону Знаменского переулка, чтобы везти тело девицы в уездную больницу. – Опять же, что знаю, расскажу, как нашли. Небось, заметить успели, что давеча целый день дождь поливал?

Следователь только кивнул, не думая, заметит ли купец это в темноте. Но тому подтверждений особо и не требовалось.

- Потому земля по берегу вся в грязь скользкую превратилась, - продолжал Василий Флорентиевич рассказ. – Вот с нее в воду плоты и смыло. Там!

Он указал в сторону Тьмаки, в еще более густую темноту, между деревьями, что росли на берегу напротив горящего огнями окон здания его мельницы. Следователь стал, было, поворачивать к воде, да как раз ту самую мокрую грязь не столько увидел, сколько под ногами ощутил.

- Да постойте, - посоветовал купец. – Ваше высокоблагородие, обувку пожалейте. Там от входа спуск ровнее. Еще успеете ноги промочить.

- Благодарю, - чуть улыбнулся Арефий Павлович, пошел вслед за купцом дальше, вдоль фасада предприятия, к открытым дверям, и потом свернул к берегу, по грунтованной дорожке.

Среди деревьев стояли люди, небольшими группами, по два-три человека. Работники мельницы, испуганные находкой, тихо переговаривались, ждали дальнейших новостей. И поводов для слухов и сплетен, так как к сожалению, люди не оставляют без внимания чужую смерть. Но проходя мимо, Куров холодно отдал распоряжение вернуться к работе, и тут же мужики потянулись прочь, к дверям предприятия.

Следователь ступал за купцом все ближе к реке. Тропинка тут уже не была сухой, вода размочила грунт, при ходьбе стоило быть аккуратнее, чтобы не поскользнуться в грязи. И как

подумал с иронией следователь, ботинки все равно запачканы будут, хорошо, если промокнуть не успеют. Вышли к воде. На небольшом пятаке берега, видимо, где хоть немного повыше и посуше, стоял еще один городовой. Следователь подал ему знак, что пост можно оставить и вернуться к своим обычным обязанностям. Сам же остановился, глядя на реку.

Темные воды Тьмаки тут казались застывшими. В этом месте, ниже от моста, русло чуть расширялось, и по сложившейся в народе привычке, тут частенько оставляли плоты. Даже те же работники с мельницы использовали такой транспорт для нужд хозяйских, когда на плотах перевозить мешки и грузить в подводы сподручнее, чем гнать все на телегах через тот же узкий мост.

Плоты на ночь привязывали к колышкам, да, как и сказал Куров, дождь размыл землю, и доски соскользнули в реку. Отплыть далеко они не могли, дрейфовали по темной воде.

- Вот, видать, тут и зацепилась за один, - рассудил Василий Флорентиевич. – А так бы утопленницу и дальше унесло, к Монастырскому мосту и в Волгу.

Арефий Павлович согласно кивнул. Такую картину ему представить было легко. Но пока занимало его другое. Хотел понять следователь и то, как девица в воде оказалась, в каком месте приняла она смерть, ежели то было самоубийство. Но в этом как раз служитель порядка сомневался все больше. Здравый смысл и опыт на службе явно подсказывали, что тут свершилось нечто печальное и со злым умыслом. И это следовало все же проверить.

- Плот там, - указал чуть вправо купец. Он остался на тропе, не стал мешать, да и точно не хотел испачкать свои сапоги. – За него и тащили из воды девоньку. Подолом зацепилась. А как на берег достали, сразу на телегу перенесли, чтобы не тревожить зря.

- Дело сделано верно, - счел нужным заметить ему Арефий Павлович. – И за это вас благодарю. Не будете ли вы против, ежели я осмотрюсь тут еще несколько минут?

- Конечно, - Куров прекрасно понимал, что его вежливо просят удалиться. – У каждого служба своя. Вижу, вам надо все обсудить и такие дела уже не для моих ушей. Я подожду вас у мельницы.

И он поспешил назад. Следователь же повернулся влево, стоял и спокойно ждал, пока к нему приблизится и еще один человек, кого Арефий Павлович заметил на берегу, кто по долгу службы так же проверял тут свои предположения.

Про Евсея Борисовича Соболева, тверского сыщика, Арефий Павлович был наслышан задолго до того, как сам познакомился с этим человеком. Очень рекомендовал своего подчиненного начальник полицейской части в Заградье, кто восхищался умом и смекалкой сыскаря. Со слов Данилы Васильевича, следователь знал, что в прошлом Евсей Борисович служил, и успешно строил военную карьеру, однако же, тяжелое ранение в грудь спутало ему планы. После увольнения, имея чин штабс-капитана, устроился на службу гражданскую, где быстро показал себя. По договору с начальником был выделен в розыскное дело, о чем есть соответствующие записи в бумагах полицейского управления.

Когда же свели они знакомство, следователь убедился в правоте таких рекомендаций. Свое дело Евсей Борисович знал хорошо, многое замечал, имел хорошие связи, да и выводы его были всегда точны и уместны. Сходясь с ним по службе, Арефий Павлович, сам охочий до общения и дружбы, ожидал, что отношения их быстро станут приятельскими, однако же, хоть ладили они неплохо, имели некое товарищество, сыщик всегда держался чуть отстраненно, будто вообще не склонен был заводить друзей.

Это был человек из тех, кому проще в одиночестве, даже помимо службы оставался холост, не склонен к развлечениям и обществу. А между тем, как не раз отмечал судебный следователь, внешность у сыщика была яркой, из тех, что привлекает всегда симпатии барышень. Да только с годами на службе выработал Евсей Борисович удивительную привычку при таких своих данных, оставаться незаметным, легко сливаться с толпой, что в делах всегда шло на пользу.

В это утро, как, впрочем, и всегда, сыщик был одет в темное пальто и такой же сюртук, чуть светлела только поддетая вниз сорочка, да и то, не так ярко, как белое полотно наряда покойницы, а чуть заметно, скромно.

- Давно ли вы здесь, Евсей Борисович? – спросил его приветливо Арефий Павлович.

- Чуть ранее вас прибыл, - сообщил спокойно сыщик. – От начальства распоряжение на дом пришло. Куров быстр в делах.

- Потому и успешен, - напомнил следователь. – Чего бы и нам с вами в этом печальном случае желательно. Скажите, Евсей Борисович, не думается ли вам, что девица в реку не сама попала?

- Склонен полагать, - закивал уверенно полицейский. – Сейчас в темноте моста-то не видать, да вы сами его знаете, и представить сможете легко. Он низок слишком. Ежели бы девка сама воду, где выше по течению попала, тело бы под досками не пронесло. Да и тут кругом домов не видать, в исподнем бежать до берега ей никак.

- Тело могли лишь с моста в воду и кинуть, - понял его мысль Арефий Павлович. – А значит, ее сюда на чем-то еще и доставить надобно было.

- Опять же, если так, - продолжал рассуждать сыщик. – Будь она в тот момент жива, либо же хоть в сознании, шум подняла бы. Такое и заметить, услышать могли. Так что, полагаю, городовой врач вам точно скажет, что в воду она попала не по своей воле и точно уже не будучи живой.

- И случиться такое могло лишь вчерашним поздним вечером, - подхватил следователь. – Когда на улицах стихло, да рабочий люд с той же мельницы по домам ушел.

Евсей Борисович только согласно кивал на это.

- Так что делать намерены? – спросил он.

- Искать, откуда девица пропала, - Арефий Павлович не сомневался, что и полицейский сам мог бы такое предложить, да ждал указаний, как по заведенному порядку было положено. – Вернусь в контору, чтобы отписать указания по участкам. Пусть городовые и околоточные и в Затьмачье и на этой стороне спрашивают. О таким быстро слух пойдет. И на торгах, да и может, кто сам дочери или сестры хватится.

- Я кругом пройдусь, - предложил сыщик. – На той стороне и на этой. Может нам повезет. Кто-то слышал чего странного вчера или даже свидетель есть. В церквях поспрашиваю.

Идея показалась следователю верной. Всего в нескольких десятках шагов за их спиной, по переулку за мельницей стоял храм Семеона Столпника, а там, за рекой виднелось подворье Покровской церкви. Там и прихожан своих знают, да и могла девица помощи прежде в домах Божьих искать.

- Но если мы оба правы, - продолжал Арефий Павлович. – И девица к реке не сама попала, так придется еще искать, как ее сюда доставить могли.

- Ежели экипажем или даже телегой, - ответил сыщик. – То без лошадей никак. А их услышать проще. Так что точно мне по округе бродить, выспрашивать.

- А я подожду еще, что городовой доктор подскажет, когда тело осмотрит, - решил следователь. – Мало ли, подсказка будет.

Они пошли прочь от темной воды, осторожно пробрались наверх, ко входу в мельницу. Народ тут уже по делам разбрелся, было тихо и спокойно. Евсей Борисович быстро зашагал прочь, куда-то вдоль по Космодемьянской улице. Арефий Павлович стоял, осматривался, помня слова Курова, что купец будет его ждать.

Глава вторая

Василий Флорентиевич появился откуда-то со стороны, будто ходил по верхам, по берегу, куда-то до торговых бань, что стояли за мельницей, и тоже были во владении купца.

- Вот диво! – подойдя к следователю, усмехнулся он, да только не весело. – Уже все, как рой, шумят. Все знают, что случилось. И слухов наросло немало, а настоящего важного нет.

- Оно так всегда, - пожал плечами привычный к такому Арефий Павлович. – Вы хотели еще меня видеть? Неужто это не единственное дело за нынешнее утро?

- Есть и еще одно, - закивал купец, уже чуть улыбаясь. – Ваше высокоблагородие, посланец-то мой вас, небось, прямо с постели вытащил? Да и вид тут унылый, бодрости не прибавляет, а еще целый день коротать. Потому не откажите, приглашаю вас совместно позавтракать, потому как у самого тоже маковой росинки во рту еще не бывало.

Следователь понимал, что Курову важно расположение чиновника, все по тем же причинам, чтобы дело шло быстрее, и меньше доставляло купцу хлопот. Но так же помнил он о хорошем расположении к нему Василия Флорентиевича, и разговорам с ним, человеком не глупым и интересным, был всегда рад. Опять же, временем Арефий Павлович располагал, потому как тот же городовой доктор должен еще успеть свою работу исполнить. Да и попросту, поесть вкусно следователь любил.

- Отчего бы и нет, - любезно ответил он. – Куда пожелаете?

- Отвезу вас в новый свой трактир, - горделиво пообещал Куров. – На Косой Новоторжской. Или там бывали прежде?

- Не довелось, - признался Арефий Павлович. – Я последнее время вообще заделался домоседом, и в заведениях бываю редко. Но тут любопытно взглянуть.

Они уже вышли снова на перекресток, теперь пустой, встали под фонарем, и купец вдруг свистнул, неожиданно залихватски и умело, подзывая все тот же свой экипаж, на котором прибыл на место следователь.

- Глянуть-то оно мало, - весело заметил Куров своему спутнику. – Тут пробовать надо!

Они уселись все в ту же коляску. Кучер только улыбался, кивнул пассажиру, чуть поклонился хозяину. Арефий Павлович в силу своей профессии привык обращать внимания на детали, заметил, что человек приветлив, да только есть в его манерах то лицемерие, какое бывает присуще слугам, кто в лицо барину рад, а за глаза и грязью обольет. Была в кучере заметна и присущая таким людям суетность, желание мелко угодить, что при его мощной комплекции, широте в плечах, получалось особенно неловко.

- На Новоторжскую, - распорядился Куров сухо. Похоже, манеры кучера ему тоже несколько претили.

Экипаж покатился по Знаменскому переулку, мимо храма, к шуму Торговых рядов, где уже успели разложить свои товары продавцы, уже появились первые покупатели, обрадованные тем, что шедший почти сутки дождь закончился, и покупки можно делать с удовольствием, рассматривая все прилавки с толком, гуляя, обсуждая и торгуясь. А как добрались до Косой Новоторжской, чуть пересекли ее, так коляска и встала. Прямо на углу, напротив банка да Гостиного Двора был трехэтажный дом, недавно побеленный и обновленный. И вывеска на нем еще яркая, не облупившаяся.

- Удачное предприятие, - с уважением оценил Арефий Павлович. Лишний раз льстить купцу он не собирался, не было у них так принято, сказал комплимент искренне.

- Благодарю! – Куров был польщен и сам своим новым заведением явно гордился. – Прошу внутрь!

Они спустились со ступеньки, прошагали по тротуару к дверям. И когда удались от коляски достаточно далеко, чтобы кучер не мог их услышать, купец придержал следователя за рукав.

- Прошу простить великодушно, - тихо сказал Василий Флорентиевич. – Но хотел сказать пару слов сейчас. Я правила вашей службы знаю, и как бы в исходе дела заинтересован ни был, лезть впредь с расспросами не стану. Пока же только хотел помощь предложить. Не будете ли вы против, Арефий Павлович, ежели я в наших кругах поспрашиваю, вдруг что о девице той несчастной известно?

- Буду благодарен такой любезности, - серьезно отозвался следователь. – Город не мал, мне одному, да товарищу моему Евсею Борисовичу искать своими силами долго. Тут любое слово кстати будет. Откуда девушка, кем была, как звали и с какого она дома и семьи. Если станет известно вам, буду весточки ждать.

- Вот и славно, - явно обрадовался Куров. – А теперь, как порог переступим, больше о деле ни слова! Нечего печалями себе аппетит портить! Добро пожаловать, Арефий Павлович!

Они вошли в двери заведения. Внутри было тепло и богато. Люстры стеклянные с Куровского завода, блестят и переливаются, кругом зеркала и ковры, белый камень стен. Направо был небольшой буфет, налево вход в зал трактира.

- Угощаю, - шутливо строго предупредил Василий Флорентиевич. – И не вздумайте спорить. Я по-своему хвастать люблю.

И тут же жестом подозвал полового. Заказал теплых закусок, как заведено в Европе, потом супу наваристого и чаю с десертами, расписными пряниками и мороженым.

- Впредь я ваш клиент, - заверил Арефий Павлович. – Удобное место, уютно тут у вас. Да и слаб я, поесть люблю всегда. Рад, что дела у вашей семьи явно идут в гору. Отец доволен?

- Он нынче в Москве, - охотно поделился Куров. – Вместе с братом старшим моим. Мы получили место в тамошней гильдии. Папенька уже и патенты приготовил, и склад там открыл. Теперь дом построили, переберется туда с женой насовсем. А мне тут хозяйство оставят. Мороки будет много!

Но по тону было понятно, что жалуется он больше для проформы, таким положением дел Василий Флорентиевич явно счастлив, как и доверием отца. Арефий Павлович его понимал. У Куровых хозяйство было большим. Не только Торговый дом хлебный, паровая мельница, еще и целый завод стекольный, где и посуду делали и тару под напитки. Этот товар в Москву везти было не стыдно, и там тоже стоило дело расширять. У старшего Курова семья большая. От первого брака только шестеро детей народилось. К удаче отца четверо из них сыновья. От нового брака тоже детей хватало, да только еще годами не вышли, в дело вступать.

- Максима я пока за заводом смотреть поставлю, - делился планами Василий Флорентиевич. – А младший в обучении, но помогает и с мельницей, да за банным делом смотрит. Ожидаем доход хороший по концу года. Там, глядишь, еще расширим. Не сочтете за наглость, если предложу вам участие? Деньги любят работать.

- Почту за честь, - серьезно отозвался Арефий Павлович. – Мой отец тоже с детства мне такую истину внушал. И сам он вкладывать в производство привык. Я подумаю. Посчитать надо. Но скорее всего, вернемся к этому разговору позже, потому как мои компаньоны затеяли расширение, капитал тоже понадобится.

- Приятно, что интересы общие есть, - обрадовался купец. – Слышал, вы держите доходный дом?

- Не весть какой, - чуть улыбнулся следователь. – Но нынче Степан задумал еще и пошивную мастерскую организовать. Так что деньги пригодятся.

- Хорош у вас управляющий, - уважительно оценил Куров. – Где такого хваткого взяли?

Арефий Павлович чуть замялся. Он не был привычен рассказывать о своем доме и быте, но интерес купца казался искренним и безобидным, потому коротко обрисовал следователь свою историю.

- Понимаю вас, - закивал Василий Флорентиевич. – Такие компаньоны дело верное. Мой отец так же всегда мыслил. Не в том дело, где и как человек родился, важно, каков он вырос, что у него за душой. Такая история и у меня есть. Папенька всегда богоугодными делами занимался, с тех пор, когда еще только дело свое начал. До сей поры поддерживает он один из приютов для сирот. Был он там как-то с инспекцией, да приглянулся ему паренек сметливый. К себе его и взял. Матвей с нами вырос, в семье, никогда его ниже себя не ставили. Сейчас он у меня управляющий в Торговом доме. И мне, и отцу опора надежная. Верю ему, как себе. Сейчас он в Москву отправлен с товаром на склад, заодно отцу бумаги повез. Матвей мне и друг, и брат.

- Вот и моих товарищей люблю с детства, - признался тепло Арефий Павлович. – За Прохора и Фросю рад безмерно. Только переживаю, что лишние хлопоты на себя берут, за дите беспокоюсь.

- Женщины в таком деле намного больше нашего знают, - успокоил его купец. – Ежели считает так, лучше и не спорить. А, правда, она, как швея хороша? Сестры мои и жена за модой смотрят строго. Теперь перешивать им юбки надобно, и какие-то там фасоны править. А у служанок руки неумелые. Я бы не отказался от помощи вашей Фроси. Может, на день нам ее уступите?

- Спрошу, - пообещал следователь. – Осилит, так пришлю к вам.

- Весточку буду ждать, - подсказал Куров. – Экипаж отправлю. Нечего ей пока на сносях самой по городу бегать. И не беспокойтесь, оплатой не обижу. Считайте, мне услугу великую окажете.

На том они и договорились. Настроение у Арефия Павловича стало преотличным. Он согрелся в тепле трактира, был вкусно накормлен, особенно полюбилась ему похлебка мясная и наваристая, хотя до сладостей предложенных он остался равнодушен. Да и разговор с Куровым вышел легким и веселым. Но надо было отправляться дальше по делам службы. Распрощавшись с купцом, еще раз заверив все договоренности, отправился следователь пешком по Новоторжской, а далее, с Почтовой площади по Большой Московской, в народе называемой Миллионной, в память о сумме, какую бывшая императрица Екатерина Вторая в строительство здесь вложила. Уездная больница стояла как раз в тупике по концу центральной городской улицы.

Пешие прогулки следователь любил, было время подумать, разложить в уме все полученные вести, составить планы, и в том, что касалось службы, и в личном. На улице окончательно расцвело, погода наладилась, пусть октябрьское позднее солнце было уже не таким теплым, но утренние заморозки все равно отступили. Потому шагал следователь быстро и легко, и хватило ему менее получаса, чтобы добраться до больницы, обойти знакомым путем основной корпус, куда свозили тяжелых больных в палаты на постоянное пребывание. А дальше там, среди высоких стволов деревьев было несколько строений, одно из них низкое и неприметное еще четверть века назад отдали под «анатомикум», скорбное место, где городовой врач изучал трупы.

Арефий Павлович поднялся на небольшое деревянное крылечко, открыл дверь, вступил внутрь, в короткий, но темный коридор. Далее был небольшой закут, где можно было оставить форменное пальто на простой вешалке, и только после проследовать в зал. Постучав вежливо в дверь, следователь открыл ее и переступил порог.

В зале было просторно, пустовато и неуютно. Но иного в подобном месте ожидать было трудно. Однако же, человек, кто тут работал, чувствовал себя привычно и даже комфортно. Когда следователь вошел, врач уверенными движениями заканчивал свои манипуляции над телом бедняжки, которую давеча выловили из Тьмаки и доставили сюда.

Викентий Наумович был личностью довольно интересной и даже в чем-то эксцентричной. Городовым врачом работал уже третий десяток, да по-прежнему дело это любил, относился к тайнам человеческого тела с азартом, изучал сложные случаи, но при этом всегда был к попавшим на его стол уважителен и тактичен. А вот посетителей принимал по-разному, мог быть язвителен и даже резок. Однако, к Арефию Павловичу относился с симпатией, за то, что следователь, много моложе врача годами, проявлял к делу второго должный интерес, не испытывал суеверного страха к трупам. Так же импонировала Викентию Наумовичу серьезность и вдумчивость, которую проявлял молодой чиновник в делах своей службы. Да то, с каким вниманием следователь всегда выслушивал выводы врача, как не глупо задавал вопросы.

- О! – приветствовал он Арефия Павловича улыбкой. – Уже и явились? Не удивлен. Интереснейший случай у нас с вами в этот раз, ваше высокоблагородие.

- Оно, может, и так, - в ответ улыбнулся и следователь. – Да с такой работы утро начинать не радостно.

Врач покивал. На лице его круглом и плотном появилось выражение легкой грусти.

- Всегда плохо, когда молодые уходят, - заметил он, вытирая руки о какую-то ветошь. Ладони у него были большие, широкие, как у крестьянина. Хотя Арефий Павлович знал из одного случайного разговора с врачом, что Викентий Наумович из сословия священнослужителей, кто дело отцово решил не продолжать, а после обучения в семинарии получил возможность идти в университет по своему интересу и профессии.

- Что молода она, - заметил следователь, переходя к делу. – Я знаю. Да только есть у меня большие сомнения, что ушла из жизни эта девица сама.

- Верно мыслите, - охотно подтвердил врач. – Тут и много таланту не надо, чтобы сообразить, не самоубийство это. Так, а какие еще соображения имеете?

Арефий Павлович скрыл улыбку. Всегда любил Викентий Наумович устраивать такое представление. Видимо, тут в этом скорбном заведении, где работал городовой врач в одиночестве, не хватало ему общества и возможности поговорить. Да и по характеру своему Викентий Наумович был склонен искать достойного и умного собеседника, а как раз с иными становился язвителен и недружелюбен. Так что подобные проверки были у врача в привычке.

- Сошлись мы с Евсеем Борисовичем во мнении, - стал рассказывать следователь. – Что девушка попала в Тьмаку будучи уже мертвой. Произошло сие вчера поздно вечером. Скинули тело с моста, надеясь неумело преступление скрыть.

- Неумело, это факт, - закивал врач, отчего его пышная шевелюра забавно заколыхалась, и мелкие кудри попадали на лоб. – Но надеялся убивец на то, что вода тело раздует, многое скроет. В это многие верят по незнанию. Потому как вот эти следы ничто смыть не в состоянии.

И он откинул простыню, прежде скрывающую тело несчастной, указал на шею девицы. Арефий Павлович шагнул ближе. Покойников он не боялся. Почему-то легко чувствовал он разницу, между живой личностью, и телом, откуда жизнь ушла. Да и за время службы успел всякого насмотреться. Но конечно, вид неживой плоти все равно был неприятен.

Знал следователь, что после нахождения долгого в воде тела, после попадания на сушу и в тепло, раздувает, коверкая страшно черты и облик. Однако же, лежавшая на столе покойница так изувечена не была. Но кожа девицы была неприятно бледной, буквально белой, как бумага, под ней стали больше заметны странные темные тени и русла вен. А на тонкой шее видны были пятна более плотные, черные.

- Ее задушили руками, – понял следователь.

- Одной рукой, - уточнил врач. – И прибавлю к тому, что силы преступник имеет немеренно. Он сжимал шею девицы так, что даже кость сломать смог.

- Может, потому, что она сопротивлялась? – предположил Арефий Павлович. – Билась за свою жизнь?

- Оно тоже верно, - закивал Викентий Наумович. – Какая девица в здравом уме будет в таком деле покорной. Но нам с вами это говорит о том, что в момент смерти она была в сознании. Ведь мог из милосердия приложить ее чем по голове, а уже после лишить жизни. Но нет на ней иных повреждений, только те, что уже после появились, когда покойницу в воду скинули. Но вот беда, все же вода многие следы смывает. Теперь и не разберешь, нанесла ли она убийце своему хоть какой ущерб или нет. И следы его крови, если и были, уничтожены.

- Может, и успела поцарапать, - предположил следователь. – Видимо, чем и разозлила его. Потому как сдается мне теперь, что убийство это не планировалось заранее.

- Огорчу, изначально душегуб желал совсем другого от нее, - скорбно вздохнул врач. – Тут ясен и этот умысел. Насильничал он девушку.

- Печально, - согласился Арефий Павлович.

Преступлений по женской части он не любил. Они всегда его огорчали и даже злили. Купить мимолетную любовь можно в Твери за копейки по обоюдному согласию. Зачем брать силой то, что иные легко сами предлагают? Да и как-то казалось всегда следователю, что есть в таких преступлениях нечто низкое и болезненное, ведь достойный и здоровый мужчина не будет свою силу испытывать над теми, кто его слабее.

- Предполагаю я, - продолжил Викентий Наумович. – Преступник этот поймал девицу, как раз рукой за шею ее удерживал, пока страстишку свою справлял, да так, как бедняжка сопротивлялась, нажал сильнее, да не рассчитал, убил.

- Может, оно и так, - подумав, согласился следователь. – Да только если убийство и было случайным, то первичное свое преступление, он планировал заранее. Девицу выловили из реки только в исподнем. Как и к вам на досмотр доставили. В таком виде по улицам не ходят, да еще в такую непогоду, какая вчера случилась. Преступление явно совершено было где-то в помещении, что он одежду с нее сорвать смог, наверное, для собственного удобства. А значит, продумывал он наперед, где ее поймать и куда тащить. Или же прямо с ней в одном доме он изначально жил. И получается, что дальше, с перепугу от содеянного, он уже решил тело в реку сплавить. Да вот незадача, у моста того и домов-то вблизи особенно нет. По разливу по берегу даже в ночи с телом на руках тащиться, рискованно выходит.

- Да уж, - важно покивал врач. – Несуразно как-то все выходит. Убил случайно, а после столько хлопот, чтобы бедняжку в воде спрятать. Сдается мне, убивец ваш не очень-то умен.

- Как знать, - пожал Арефий Павлович плечами. – В страхе-то от содеянного, сообразить что-то хитро и тонко, мало кто умеет.

- И то верно, - согласился Викентий Наумович. – Но что помогло бы его поймать, я дать не могу.

- Больше я надеялся, что вы мне про саму девушку скажете, - признался следователь. – Потому как бедняжку пока никто не хватился. Не ведомо, кто она, да где ее родных искать. Тут есть у вас какие-то соображения?

Врач задумчиво осматривал тело на столе, как-то машинально, поправил простыню, закрывая обратно и бледную мертвую кожу, и следы на шее убитой.

- Ну, имени и рода ее не скажу точно, - заметил Викентий Наумович. – Такое не ученым, а кудесникам разве что дано. А так… Не думаю я, что она из знатной семьи. Да такую бы и точно еще в ночь хватились бы. Мещанка простая? Но нет, худовата она. Девки у нас в слободах румяные все больше, сбитые, кровь с молоком. А она…Секунду…

Он ловко обошел стол, выпрастал кисть девушки, помял ее безжизненную ладонь своими пальцами.

- Странное дело, - сообщил врач, чуть хмурясь. – От труда обычно мозоли бывают. А тут кожа гладкая. Будто к какому быту и не касалась. Может, в лавке какой сидела? На торгах поспрашивать?

- И на том спасибо, - поблагодарил следователь, но был немного расстроен, потому что сведений слишком мало. – И все же убивец не так и глуп. Оставил труп без одежды. А женские наряды могли бы рассказать о девушке многое.

- Я не знаток, - чуть улыбнулся Викентий Наумович. – Вам тут виднее. Сорочку ее отдам, ни мне, ни бедняжке она уже не пригодится.

И он отошел к шкафу, что стоял в углу зала, достал оттуда аккуратно сложенную одежду покойницы, передал Арефию Павловичу. Ткань просохнуть успела, но казалась все равно грубой, какой-то сероватой, грязной. Следователь обратил внимание, что по краю одежда отделана кружевом. Оно было не тканым, дорогим, а вывязанным вручную, пусть работа казалась и аккуратной, умелой. Однако же в рукоделии понимал Арефий Павлович мало, потому никаких выводов, подсказок в деле найти тут не мог.

- Есть у меня мастерица, - сообщил он врачу. – Кто в дамских фасонах и модах понимает много. Может, она что и подскажет.

Сказал, а сам тут же и испугался, вспомнил, что Фрося, к кому и хотел обратиться за советом, нынче на сносях, и пугать ее покойницкой одеждой не стоит. Но придется придумать, как бы спросить аккуратно.

- Даст бог, подсказчиков больше найдется, - благодушно сказал ему Викентий Наумович. – И в этой загадке, да и вообще в таком печальном деле. Глупый он или нет, а убивец, и место ему в остроге. Решилось бы только дело это ваше быстрее. Девушку хоронить надо. А жаль будет, ее безымянную могилу класть. При жизни-то красоткой была.

- Только за красоту и пострадала, - напомнил следователь. – Нет ли у вас тряпицы какой? В узелок сорочку хоть собрать? Не ходить же по улицам мне с нею в руках открыто?

На подоле виднелось бурое неприятное пятно въевшейся в ткань крови. Врач чуть усмехнулся, кивнул, полез снова в шкаф, искать тряпицу.

Глава третья

Распрощавшись с Викентием Наумовичем, судебный следователь неторопливо направился снова вокруг главного корпуса больницы к воротам. Служба его предполагала посещать разные места, бывать в разных сторонах Твери. А город не малый размерами, уездный. Конечно, до шумной столицы ему далеко. В Петербурге размах иной. Там пока пару кварталов пройдёшь, ноги устанут, да и проголодаться можно успеть. При поступлении на должность молодой человек только радовался, что в провинции и тише, и проще. Но всё же и тут из конца в конец не набегаешься. Потому Арефий Павлович продумывал встречи в одной части города, а после, решив их, шёл уже в другой конец Твери.

Так следователь свернул вдоль забора, дальше на улицу Воксальную. Название её хранило память о парке, который ещё в начале века был разбит на месте больницы и назывался на западный манер "Воксал ". Была улочка узковатой, после вчерашней непогоды, скользкой от грязи. Арефий Павлович выбрал её из наивного желания срезать путь. Но кое-как миновав квартал, свернул меж дворов, где дорога оказалась более натоптанной и сухой, и так выбрался на широкую Ямскую, центральную улицу одноимённой слободы.

Понятно, что в этом поселении жили ямщики и их семьи. Тянулась слобода несколько кварталов до самой Московской заставы, выезда из города, и переходила, соответственно, в тракт. Ещё полвека назад селение было, ладно, что многолюдным, но и богатым, так как услуги ящиков были востребованы. Однако же после открытия Императорской железной дороги и организации водного кооператива с перевозками по Волге, тракт заметно опустел, ямщики теряли выручку и дела их шли хуже.

Кто был ловчее, подались в извозчики, по-прежнему работали в городе привычным ремеслом. Держали конюшни, по договорам доставляли грузы с Твери, по всему уезду, да и в ту же Москву. Кто в делах меньше хватки имел, искали новый заработок. Молодежь слободская устраивалась и в тот же речной кооператив, и крючниками на Дровяную площадь, а чаще на новый мукомольный завод купцов Коняевых, что стоял на берегу Волги, как раз за дворами слободы.

Арефий Павлович по Ямской дошел до храма Рождества Пресвятой Богородицы, самого центра поселения. Сразу за церковью был широкий богатый двор старосты. Сам Микич был уже стар. От дел отошел, сыновья его держали конюшню и оба промышляли извозом в городе. Староста же хватки не потерял и делами слободы еще занимался.

С судебным следователем Микич водил знакомство давно, с момента как Арефий Павлович заступил на службу. Но отношения у них хорошие так и не сложились. Староста был из тех людей, кто укладом жизни не доволен, ни в своем доме, не в государстве в целом, потому представителям государевой службы не доверял, считал их всех ленивыми и нерадивыми, к тому же по мнению его, следователь слишком мал годами, не опытен. Но все же спорить с Арефием Павловичем не решался открыто, отвечал всегда, когда тот к нему обращался.

И в этот раз, принял староста чиновника сухо, в дом не пригласил, так и вели разговор во дворе. Шел сюда Арефий Павлович по иному делу. К его немалому сожалению, преступления в Твери редкостью не были, и обычно следователь вел несколько расследований параллельно. Так в слободе на прошлой неделе были зарезаны двое человек. То были приезжие, мелкие торговцы. Отец и сын надеялись в уездной столице найти новые торговые связи, заключить договоры с купцами местными, свой товар им пристроить. По скромности, да не зная особенно Твери, сняли они угол в одном из постоялых дворов в слободе. Там их и нашли убитыми.

По делу этому Арефий Павлович имел свои подозрения, и кто мог быть преступником, уже подозревал, но боясь спугнуть убийцу, пока решил проверить кое-что и задать вопросы как раз старосте, кто всех в своем селении знал. Нехотя и скупо Микич многое следователю

подтвердил, но был недоволен вопросами, потому что причин их чиновник ему не назвал из все той же осторожности.

А вот новости об утреннем происшествии до слободы еще не докатились, и новое убийство Микича взволновало. Староста ворчал о нравах в городе, о том, что никому нынче до других дела нет, вот за девицей и не досмотрели. Смотрел при этом он на посетителя своего так, что с иронией понял Арефий Павлович, немалая часть упреков посвящены ему лично. Но важным было то, что Микич обещал по дворам весть пустить и поспрашивать о погибшей, и передать следователю, если кто девушку признает.

С облегчением распрощавшись со старостой, молодой человек поспешил прочь. На этот раз прошел он прямо по переулку, пересек Ямскую и дальше до Большой Самары, второй улицы слободы. Откуда взялось ее название, следователь не знал, но где-то слышал, мол, самарой называют салоп ямской, да были в том у него сомнения.

По Большой Самаре Арефий Павлович дошел до Смоленского переулка, который считался чем-то вроде границы городской части Твери. Переулок разделял Ямскую и Мещанскую слободы, шел до самой реки Лазури, до городского кладбища. В этой части Твери каждая улица была своим миром. На одной жили медники, на другой плотники и столяры, были и гончары, и другие мастера, да мелкие торговцы. Тут же попадались и дома призрения, которым помогали купцы городские, да и местный люд даже по мелочи милосердие к сиротам и старикам проявлял.

Все же здесь, в кварталах мастеровых следователь чувствовал себя свободнее и веселее. Люди тут были более приветливыми, кто из дворов молодого человека на улице замечал, всегда кивал или рукой махал. Не то чтобы тут были больше своей жизнью довольны, чем в бывшей деревне ямщиков, просто привыкли заниматься своим делом, и лишних виноватых не искали. Потому всегда помогали следователю охотно, говорили с ним смело, но с почтением.

Здесь следователя сами зазывали гостеприимно в дома, старались угостить, хотя сегодня он отказывался, лишь у медников выпил чаю. В Мещанской слободе он провел часа два. Арефий Павлович, то ли в силу того, что с детства привык к своим товарищам, то ли просто по лёгкости характера сходился со всеми быстро, невзирая на происхождение и чины. В чем-то даже с простым людом, с теми же мастеровыми, ему было проще и свободнее. Потому настроение его, явно испорченное после сухого и неприятного общения с ямщицким старостой, теперь значительно улучшилось, даже не смотря на то, что тема была печальной.

До этих дальних городских кварталов вести об утреннем убийстве уже дошли. Городовые, кто нес службу ближе к Дровяной и Сенной площадям, уже вели расспросы, да и сами успели о случившемся порассказать. В слободе погибшую не знали. Здесь в семьях присмотр за девицами был не менее строг, чем в домах купеческих или дворянских. Всё лишняя пара рук, помощь в деле. Но к счастью, ни у кого дочери не пропадали.

Старосты мастеровых общин, даже пара купцов низшей гильдии, кто тут жил, обещали поспрашивать в приютах, вдруг кого из опекаемых не досчитались, а ещё у гостей-постояльцев, кто с округи в Тверь лес привез, да и просто в трактирах, если вдруг там девка-служанка исчезла. Хороший совет получил следователь от старого своего знакомца, мелкого купца, каких по привычке звали коробейниками, поискать следы погибшей бедняжки в домах работных, что стояли по Скорбященской и Мироносицкой. Идея была неплоха, да навела Арефия Павловича на новые соображения, где и как можно что по делу узнать.

Напоследок уточнил следователь и другое. По службе своей имел он строгое указание следить, чтобы в Твери не было ходу фальшивым деньгам. В империи таких умельцев, кто чеканил подделки, водилось изрядно. Да только большая часть хитростей, какими мошенники пользовались, чтобы обменять деньги на настоящие, знали и в полиции, да и простой люд. Потому как чаще фальшивомонетчики опасались соваться на большие торги да в зажиточные кварталы. Мещане, кому любая копейка важна, присматривались к приезжим и чужакам.

Терять заработок никто не хотел, и тут все были настороже. К счастью и для людей, да к спокойствию следователя, в последнее время никто аферистов не видел и фальшивых монет не получал.

Решив свои служебные дела в слободских кварталах, Арефий Павлович всё же заглянул и к себе домой. Такая уж была его должность, когда не в кабинетах сидишь, а целыми днями подолгу мотаешься, а то, бывало, и ночью поднимали, да на место преступления очередного ехать приходилось. Потому были следователю и послабки, мог он распоряжаться своим временем так, чтобы и толк по службе был, да хоть есть и пить в родном доме иногда, и досуг иметь, когда он делу не помеха.

Степан помнил, что барин обещал на обед пожаловать, потому Арефия Павловича ждали. Фрося подала ему куски вареного мяса, горячие, на углях обжаренные, с кашей да квашеной капустой хрустящей. Запивал еду следователь все тем же взваром. По его искреннему убеждению даже в новом трактире Куровых стряпня все-таки уступала Фросиной.

Прохор отсутствовал, мотался где-то по поручениям, а Степан, недавно и сам вернувшийся из все той же слободы, где приценивался к дровам, необходимым на зиму, тоже присел перекусить. Конечно, он хотел услышать подробнее о том, куда барина погнали с утра пораньше, кое-какие новости успел управляющий делами услышать в городе, но так как кухарка их хлопотала тут же, спрашивать Степан боялся, чтобы женщину на сносях лишний раз не пугать. Арефий Павлович надеялся именно у Фроси кое-что по своему делу узнать, да и понимал, что она сама тоже станет любопытствовать, потому начал рассказ сам, старался подбирать слова, говорить осторожнее.

- Да ладно тебе, барин, - сказала кухарка. – Не первый год мы тут все с тобою, я уже многого наслушалась, привыкла. Как ты не стараешься осторожничать, понятно же все. Бедняжку снасильничал кто-то и убил, а после в реку выкинул, мерзавец. Грустно это, особенно родителей девушки жалко. Туго им от такой потери.

- Верно, - согласился следователь. – Да вот только найти мы ее семью не можем, имени и роду установить никак не получается.

Вопреки своим же заверениям, Фрося смотрела сейчас на барина так, будто готова заплакать. Арефий Павлович со Степаном оба засуетились, не зная, как ее утешать. Но кухарка только отмахнулась.

- Это ничего, - заявила она, махая на них полотенцем, которым в тот момент руки вытирала. – Это у нас баб бывает, когда дитё носим. Глаза всегда на мокром месте. А какая она? Сколько хоть годов-то?

- По предположениям не более восемнадцати, - послушно ответил следователь, сам посматривал на нее с подозрением, не слишком ее объяснениям доверяя и беспокоясь.

- На выданье девка была, - рассудила Фрося разумно, и пусть вид у нее был все таким же плаксивым, голос звучал спокойно. – За такими присмотра всегда больше. Да и жених уже мог быть, точно хватиться должен. Так совсем никто девицу своей не признает? Может, приезжая?

- Ищем, - коротко известил барин. – Еще времени мало прошло. Да и как тут что поймешь? Убивец девушку только в исподнем оставил. А много там по сорочке поймешь?

- А вот не скажи! – вдруг оживилась Фрося. – Это тебе, барин, не понятно, а я по ткани, крою и даже стежкам и ниткам вижу. Вот бы ты мне показал ту сорочку!

Арефий Павлович чувствовал себя виноватым в тот миг. Ему как раз и нужен был Фросин совет, да только как-то нехорошо девушке ту самую сорочку показывать. Ведь огорчится же!

- Она же с покойницы, - напомнил следователь.

- И что? – искреннее удивилась кухарка. – Мало я грязных тряпок повидала?

- Не боишься? – Арефий Павлович еще сомневался.

- Суеверия все эти? – уточнила она. – Брось, барин. Ты, вон, сколько мертвяков повидал уже. И что? Они за тобой по ночам не приходят же.

Степан не выдержал и чуть смешливо хмыкнул. Улыбнулся и сам следователь.

- Ладно, - решился он. – Потому как твое слово мне, и правда, в помощь будет. Там, у двери узелок оставил, сейчас принесу.

- Сиди уже, - буркнул его товарищ и поднялся из-за стола. – Суеты в твоем деле много, барин. Поешь спокойно, а я сам принесу.

Он быстро вернулся, неся в руках тряпицу, уже развернул ее по дороге. Теперь видна стала белая ткань сорочки, а заодно и неприятные бурые пятна на ней. Степан угрюмо хмурился.

- Не люблю я таких, - сказал он. – Кто с бабами силу применяет. Если уж у самого рожа крива, нечего к красивым девкам лезть.

- А она такая? – полюбопытствовала Фрося, пока забирала у товарища сорочку из рук. – Правда, красивая?

- Видная была девушка, - признал Арефий Павлович, и поинтересовался у Степана. – Почему считаешь, что рожа кривая?

- Да это образно, - чуть пожал плечами его управляющий. – Не обязательно, что урод или калека. Просто, явно же с ним сами что-то не так, если у него с деками полюбовно договорится не выходит.

- Интересная мысль, - оценил следователь. – Спасибо тебе. Фрося, ты что там такое увидала?

Кухарка на самом деле что-то внимательно рассматривала, она развернула сорочку полностью, и теперь растянув подол, легко поглаживала какую-то часть ткани пальчиками.

- Так тут будто бы даже вензель какой, - задумчиво сказала она.

Оба мужчины посмотрели на нее с удивлением. Вензель чаще всего встречался императорский, но и дворяне иногда украшали свои вещи некоей подписью, обозначая свой род.

- Все же она из знатного дома? – почему-то Арефию Павловичу в такое не верилось.

- Нет, что ты, барин, - тут же возразила Фрося. – Я сказала неправильно. Просто не знаю, как это назвать. Буквы тут. И значок какой-то, на птичку похож, пара завитков. Вышито все руками. Но так, знаешь, умело вообще, но я видала и аккуратнее. Тебе Фимка как вышивала! Тут не сравнить.

Фимка, маменькина служанка, в вышивании была мастерица большая, и у отца Арефия Павловича, и у него самого многие платки, перчатки и даже пара сорочек были украшены аккуратной эмблемой, похоже на то, что Фрося назвала вензелем. Работа была тонкой, стежки всегда выходили гладенькие и ровные.

- А вот кружево лучше, - продолжала кухарка рассматривать сорочку. – Только оно не плетеное, как хозяевам в лавках продают. Тоже руками вязали. Так больше простые люди носят. Но вот оно сделано красиво. Тонкое какое! Только нитка дешевая. Да и ткань тут тоже совсем швах. Вон, вроде и мало ношенная вещица, а вся серая уже и грубая совсем. Даже еще когда дома жили, ваша маменька нам и то лучше тряпки отдавала.

Картина получалась странной, и потому следователь хмурился. По всему выходило, что сорочка такая должна принадлежать простой девице, но вот вышивка и кружева несколько смущали. Конечно, любая девка, у кого руки умелые, украсить себе одежку и сама может. Да только как-то ранее не попадались Арефию Павловичу те, кто вышивал на своих вещах инициалы, как было принято в знатных домах. Да еще и знаки какие-то.

- Дай-ка теперь сам гляну, - попросил он у Фроси.

Кухарка послушно протянула ему сорочку. Степан придвинулся ближе, тоже любопытствовал.

- Я такого не видал, - поделился он. – В лавках белье бабам продают простое, без вышивки. А знатным господам на заказ шьют да отделывают. А тут, будто вместе все.

- Ишь, какой! – усмехнулась кухарка. – И чего это ты так много о женском знаешь-то?

Степан чуть наклонил голову, будто пытался скрыть смущение. Арефий Павлович, кто сидел рядом, даже заметил, как на щеках управляющего выступили красноватые пятна. Барин хорошо знал, что его товарищ по женской части слаб. Еще когда только обживали новый дом в Твери, Прохор с женой облюбовали себе сразу большую комнату за кухней, на антресоли выбрал себе следователь лишь спальню и кабинет, потому как в лишнем не нуждался, еще одну довольно просторную комнату, предложил Степану. Но управляющий скромно занял коморку в углу, за печью. Отговорился тогда, что так ему сподручнее. Да только понятно было, что не хотел Степан, чтобы барин слышал, как управляющий ночью будет по лестнице красться от очередной своей подруги. Женщин он любил, да победами никогда не хвастал, держал свои личные дела в тайне.

- А еще странно, - чуть откашлявшись, продолжил товарищ следователя, чтобы отвести разговор от своих похождений. – Что вообще сорочку кружевом так обвязали. Ведь стараются же девки красоту навести там, где видно. И вышивка эта.

- А. Т., - озвучил Арефий Павлович вышитые буквы. – Как и положено, наверняка обозначили имя и фамилию.

- Ага, - согласилась Фрося. – Но ладно, на платке. Господа иногда на обшлаге перчаток такие носят. Это же понятно. Ежели потерял, так видно, кому возвращать. А сорочка?

Вот это замечание было для следователя ценным, но делало загадку сорочки еще сложнее. Дешевое исподнее, украшенное кружевом, а еще помеченное буквами. Идея искать следы погибшей в приютах казалась все более логичной и правильной. Ведь помечать свои вещи надо там, где их можно перепутать с чужими.

- Ну, а птичка тут зачем? – размышлял Степан дальше.

Арефий Павлович тоже рассматривал крошечный значок под буквами.

- Ласточка или стриж, - кое-как определил он. – Хвост двойной, или мне уже кажется.

- Похоже, - решил управляющий. – Но вроде у ласточки длиннее и тоньше. Да только это все смешно. Вышила, что смогла. Может, вовсе для забавы, а мы тут гадаем, что за птица.

Вспомнил следователь и данный ему совет поискать девицу в домах работных. Может, потому и есть вся эта рукотворная отделка на сорочке, потому как для погибшей это была ее работа, и немного постаралась она для себя. Или же ученица вовсе, на своем белье и тренировалась стежки ровнее класть.

- Ладно, - он отложил сорочку, собрался доесть уже подстывшую кашу. – Как-то я тоже не верю, что бедняжка та из знати. Спохватились бы о ней давно. Искать в простых домах дольше только выйдет. За помощь и обед благодарю покорно. Фрося, к тебе у меня еще дело есть. Все тот же купец Куров ищет для женщин своих швею. Что-то там жене его и сестрам надо исправить в нарядах. Просил, если ты можешь такое, помочь. В деньгах не обманет и обещал заплатить щедро.

- Ох! – кухарка вся засветилась от счастья. – Храни тебя бог, барин! Богатым купцам в помощь! Удача какая!

Она даже попыталась покланяться мелко, да вовремя остановилась. Этого в доме принято никогда не было, и смущать барина она не хотела.

- Только скажи, куда и когда идти надобно, - заверила Фрося. – Я быстро. Чтобы и дома дел без присмотра не оставлять.

- Сами тут управимся, - напомнил Степан. – Мы с Прохором не безрукие. Мастерство свое продавай, пока на него спрос есть.

- Верно, - поддержал его барин. – Или это я зря? Не хочешь, так я Курову откажу.

- Да что ты, барин! – тут же спохватилась Фрося. – Еще как хочу! Боюсь немного, дело-то какое! Но хочу! Для меня работа такая только в радость!

- Тогда что ревешь? – спросил Степан.

И правда, по щекам женщины текли слезы, хотя глаза сияли от счастья.

- Да, это так, - вытирая лицо, отмахнулась кухарка. – Все то же самое. Пока ребеночка носить буду, часто будет. Чувств как-то много. Чуть что рыдать тянет. И не важно, от горя или радости. Иногда вообще в окно смотрю, там веточка тонкая да изящная. Красиво. А я уже в слезы от такого. Но так и должно быть. Это вам любая скажет.

Арефий Павлович кивнул, но состояние ее следователя беспокоило. Сам он от знакомых много таких историй слышал, у кого жены были в положении. Там и более чудные вещи случались. Да только надо все же врача найти Фросе. Всем в доме спокойнее будет. Только вот и еще хлопоты на его голову, не забыть бы чего.

Глава четвертая

Из дому направился он по делам дальше. Пора было явиться в свою контору, записать отчеты и рапорты, а еще и лично доклад сделать. Официальное его место службы располагалось в самом центре, на Судейской площади, где стояли все присутственные места. В одном из четырех зданий, тут как раз и были обе судейские палаты и кабинеты чиновников.

Отведенное ему помещение Арефий Павлович не любил. В комнате стоял только небольшой стол, и пара шкафов, но они, казалось, занимали все пространство. И пусть следователь строго следил за порядком, всегда убирал все бумаги по полкам, все равно чувствовал себя тут неуютно в тесноте. Оставив здесь узел с злополучной сорочкой покойницы, бросив фуражку и повесив на вешалку за дверью форменное пальто, он направился дальше по коридору к дверям приемных.

По долгу службы Арефий Павлович ходил в подчинении у председателя Тверского окружного суда. Действительный статский советник, Петр Алексеевич Дейер, был высок ростом, худ, осанку имел военную, строгую, одет всегда был тщательно, смотрелся внушительно. Возрастом он был чуть младше отца Арефия Павловича, волосы его со временем поредели, и Председатель старательно зачесывал их наверх, скрывая седину и залысины, зато носил бакенбарды, всегда аккуратно уложенные, а подбородок брил начисто.

Как сложением своим он был сухопар, так и в отношениях казался таким же сухим, казенным. С подчиненными всегда был немногословен, раздавал указания четко, ровным голосом, не бывал груб, и даже не позволял себе некоего презрительного отношения к тем, кто младше чином. Но вот эта его ровность больше отталкивала, чем вызывала симпатию.

Только поступив на службу, Арефий Павлович опасался встреч с Председателем, так как эта манера Петра Алексеевича судебного следователя приводила в трепет, будто бы в присутствии Председателя он чувствовал себя всегда в чем-то виноватым. Но со временем, когда выяснилось, что встречи их достаточно редки, общение формально, Арефий Павлович к своему начальнику привык, стал к его тону и манерам равнодушен.

А вот с прокурором Тверским, статским советником Александром Николаевичем Есиповым все было совсем иначе. Он был старше Арефия Павловича всего лет на пять. Манеры имел быстрые, немного нервные, казался суетливым, был полноват, вихраст и розовощек. Однако же поначалу следователю досаждало, как дотошно прокурор проверяет его работу, что Александр Николаевич всегда делал лично, не уступая полномочий своему товарищу. Дела прокурор прочитывал полностью, подробно выспрашивал и указывал на любые детали, какие казались ему спорными, или доказательства - слабыми.

Однако же, при здравом разумении, Арефий Павлович убеждался, что замечания Александра Николаевича всегда неглупы и не пусты. Так скоро, оба судейских чиновника прониклись взаимным уважением, и отношения их значительно потеплели. Стало понятно, что прокурор к делам относится не просто ответственно, а сам смекалист в расследованиях и даже азартен. Теперь следователь к замечаниям был внимателен, а прокурор привык прислушиваться ко мнению своего подчиненного.

Сработались они славно. Пусть на службе общались формально, но когда выяснилось, что Александр Николаевич заядлый любитель литературы и театра, при встречах вечерами в стенах Общественного собрания или же в книжной лавке, переходили уже на приятельскую манеру разговора.

Именно к прокурору теперь Арефий Павлович и направлялся. Кабинет его нравился следователю намного сильнее, чем собственный. И дело не в том, опять же, что мебель тут была дороже, и комфорта больше, просторнее, а потому как-то даже дышится легче. Когда следователь вошёл, Александр Николаевич сидел за своим рабочим столом и подписывал, споро и

сноровисто какие-то бумаги, одну за другой. Рядом с ним топтался письмоводитель, кто ловко собирал листы и тут же угодливо подавал следующие документы.

Арефий Павлович только успел чуть поклониться у входа, приготовился ждать, но прокурор сразу же отложил перо и жестом отослал секретаря прочь.

- Здравствуйте, господин Угримов, - приветствовал Александр Николаевич, радушно улыбаясь. - Присядьте, отдохните, пока беседуем. Конечно, я уже наслышан об ваших утренних печальных делах. Так день начинать, врагу не пожелаешь.

- Спасибо за тёплый приём и сочувствие, - в такой же дружелюбной манере с лёгкой весёлой иронией отозвался следователь, усаживаясь на стул. - Дел не только мне прибавилось.

- Факт, - закивал прокурор. - Потому удивлен немного, что вы ко мне так поздно пожаловали, ожидал вас ещё к полудню.

Упрёка в его тоне не было, больше любопытства.

- Мне показалось мало пользы лично сообщать вам об очередном преступлении, - серьезнее сказал Арефий Павлович. - Потому прежде счёл важным хотя бы что-то прояснить по этому убийству, да хоть какими-то соображениями первыми делиться. Был и у Викентия Наумовича, по мещанским дворам прошёл, в Ямскую слободу заглядывал.

-Ага!- Александр Николаевич расцвел очередной радостной улыбкой. - Зная ваш стиль, могу предположить, что там-то вы и другую цель имели! Неужто, есть у нас с вами что-то новое по нашему спорному делу!

Назвал он это так не потому, что преступление, совершенное на прошлой неделе, вызвало между судейскими чиновниками спор, а из-за того, что дело на первый взгляд кажущееся простым у них обоих вызывало сомнения.

Явившиеся в Тверь два купца, намеревались договоры заключить, чтобы свои товары на городских торгах представить. Да только были найдены оба зарезанными на постоялом дворе, где сняли комнату, в той самой Ямской слободе. Понятно, что подозрения сразу пали на хозяина, кто угол им сдал. Сам мужик вину не отрицал, против ареста не спорил.

И можно было бы считать дело закрытым, да только внятно рассказать следователю и полицейским, как своё чёрное дело совершил, он не смог, ссылался на помутнение рассудка. А те детали, какие он якобы вспомнил, никак не сочетались с заметками городового врача, кто тела изучил. Более того, причин для убийства у этого человека тоже никак не получалось добиться. И Арефий Павлович испытывал больше сомнения, что мужик этот виновен.

Прокурор, сомнения своего подчинённого разделял, и даже имея в своей практике ранее подобный опыт, подсказал, что может их задержанный кого-то выгораживать. Потому, оставив пока хозяина постоялого дома под арестом, стал Арефий Павлович проводить расследование дальше.

- Догадку вашу, - рассказывал он теперь Александру Николаевичу. - Подтвердил я ещё в пятницу. У хозяина того сын, молодой детина, кто любит и погулять и до женщин ходок. Отец его не удерживает, все позволяет. И потому, как сын по вечеру на гуляния уходил, хозяин тот дверей в дом на замок не запирал, а лишь лёгкую щеколду опускал, которую снаружи открыть легко.

- И в ту ночь, как я понимаю, - тут же подхватил прокурор с азартом. - Сын как раз и должен был вернуться за полночь. Когда же с утра приходящая поломойка тела нашла, да шум подняла, бедный родитель решил, что отпрыск его по пьяному делу злодеяние совершил, потому вину на себя из отцовой любви и принял.

-Всё так, - подтвердил следователь. - Да только отец не знал, что сын его явился домой уже после того, как тела были найдены, увезены, а отец арестован. И я нашёл дружков, с кем молодец гулял, и в чьей избе ночевал. Так что хозяин зря себя оговорил. Резона убивать постояльцев он не имел. Квартировали они там впервые, ранее знакомы не были, ссоры устроить не успели. Да и ещё одна странность. В комнате, где их тела нашли, были вещи разбросаны,

крови много. А вот ножа, чем убивали, не было. На кухне такого оружия хватало, конечно, но вот там же, наоборот, следов преступления не было. Как их из комнаты не принесёшь?

- Какая, однако, интрига! - удивился Александр Николаевич.

- И не одна, - чуть хитро улыбнулся его подчиненный. - Когда там на месте были, приходил на шум и местный староста. И вот обронил он тогда фразу одну, из которой выходило, что приезжие купцы в Твери уже два дня провели, а не один. Это мне показалось странным, и узнавал я дальше подробности. Так вот староста не соврал. Приезжие были у него не накануне той ночи, а раньше. Договор хотели, собирались ещё и в обратный путь в Твери товара набрать, чтобы выгодно продать, когда до дому через Городню ехать будут. Им нужен был фургон. Если у купцов наших сразу товар грузить, так возница своему хозяину подскажет, где покупатель. А заезжие терять такую возможность разжиться лишними деньгами не хотели. Вот у старосты с тем и были. А ещё сказал он, что ночевали гости тогда в ином месте. Тоже постоялый двор, прямо напротив того, где их убили.

- Так чего же они место меняли? - нахмурился прокурор. - Будто не перекупку какую, а аферу затевали.

- Нет, - успокоил его Арефий Павлович. - Сегодня я у старосты все детали и уточнил. Просто в прежнем месте гостям не понравилось. Жаловались, что дом дряной, холодный и грязный, и обедов не подают. А цену с них содрали, как за приличную гостиницу. И сам же староста им новое место присоветовал. На три копейки дороже, а условия лучше и кормят хорошо. Там в слободе все знают, что хозяин, кто двор напротив держит, жаден, да ленив. И вот это, как я вижу, важно. Потому что ещё помнил староста, что те купцы наивны и не осторожны. Денег с собой возили много, да показывали их легко. Жадный-то человек мог искушению податься.

- Через дорогу перейти ночью дело простое, - заметил прокурор. - Соседа своего наверняка знал хорошо, и принятые в его доме порядки, а значит, что дверь открыть легко тоже мог помнить. Потому в той комнате, где тела нашли и беспорядок был. Убивец деньги забрал.

- Достаточно их найти, и тогда признание получить будет с него не трудно, - закончил следователь.

- Ежели только он их в доме оставил или даже во дворе закопал, - подумав, сказал Александр Николаевич.- А вот если успел в банк отнести, тогда доказать что-то будет трудно. Но давайте-ка так поступим. Я бумагу скажу составить, чтобы нам с вами в банке справку выписали. Суммы точной всё равно не знаем, но просто если ответят, что тот мужик в эти дни что на счёт положил, уже будет нам польза. Если же пока боится он монеты показывать, то вам разрешение будет его дом обыскать. В полиции есть толковые ребята опытные, найдут всё, что нужно. И я сам с вами поеду. Ежели повезёт, сразу об аресте на месте указание дам.

- Это было бы кстати, - обрадовался Арефий Павлович.

- И мне польза из-за стола выбраться, - усмехнулся прокурор. - Оба мы выиграем. Потому как Председатель суда уже дважды спрашивал, почему мы время тянем. А это нехорошо. Так что отличимся ещё и в его глазах.

Следователь про себя подумал, что одобрение Председателя не слишком его интересует, но покивал, чтобы не сбивать Александру Николаевичу радостного настроя.

- Идут у нас с вами дела! - удовлетворенно заявил прокурор. - И прежде мы неплохо справлялись, и нынче. Цифры красивые в отчёты напишу. Но главное, они честные у нас.

Сказал и тут же расстроился.

- Вот бы ещё четверговое дело распутать.

Арефий Павлович чуть показано тяжело вздохнул. Он знал, что этой темы они коснутся, да только успехами в этом расследовании похвастать не мог. Это убийство произошло в Затьмачье в позапрошлый четверг, оттуда прокурор ему название и придумал.

Кожевенных дел мастер был найден в своей избе убитым. Кто-то проломил ему голову кочергой. При жизни он был человеком жестким, и нрав имел злой. Считал себя выше, чем есть, и многих презирал и ругал. Как выяснили полицейские по запросу следователя, мужик этот колотил нещадно молодую жену, да так, что она дважды теряла детей, которых еще носила под сердцем. В этом можно было бы усмотреть причину для убийства у этой женщины. Да только в тот самый день она снова была в больнице с побоями, и доктор ей лечил искалеченную руку. Понятно, что времени и возможностей рассчитаться за страдания с мужем она не имела.

Далее стало известно, что поддерживал теперь уже вдову полюбовник ее. Нашелся добрый человек, кто утешал женщину в последний год. И такой защитник тоже мог бы злодея-мужа убить, да и его видели совсем в ином месте, когда преступление было совершено. Искали далее, проверяли родных женщины, даже просто соседей, с кем так же убитый часто ссорился. Но никто подозрений так и не вызвал, да и все в разгар дня рабочего были заняты делом.

Арефий Павлович изучил следы на месте случившегося, и выходило, что пришел убийца во двор кожевника через калитку, что вела на соседний переулок и к Тьмаке. А такой путь еще и знать надобно было, значит, злодей в доме бывал и ранее, ходил у своей жертвы в знакомцах. Сводилось все к тому, что прежде они вместе выпили, и только после схватился убийца за кочергу, чтобы лишить собутыльника жизни. Но так найти преступника и не удавалось.

- Смущает меня кое-что, - признался нехотя следователь. – Если тот убитый был при жизни нелюдим и необщителен, откуда бы у него взялся такой приятель, кто с ним выпивать сядет. Поспрашивал я кругом, и никто никогда горькую с тем мужиком не пил, да и не видел, чтобы в дом к кожевнику кто за весельем ходил. Чаще выпивал он в одиночестве, а после шел вытеснять зло на жене или искал драки на улице.

- Так думаете вы, что преступник хитер, - стал размышлять прокурор. – И нам все так обставил, чтобы со следа сбить?

- А долго ли лишний стакан на стол выставить? – заметил Арефий Павлович. – Дело простое. И еще думаю я, что если мужик осмелился на жену руку поднять, то может он и на иных женщин покушаться. Слабых обидеть проще. Могла быть у него и любовница, к кому ходил убитый, пока его жена от побоев отходит.

- Интересно мыслите, - охотно закивал Александр Николаевич. – Он по нраву своему явно же себе в удовольствиях отказывать не привык. Да и что говорить! Семья та была явно слабой по части чувств. Если уж бедная женщина себе защитника нашла, то муж-то легко мог давно изменами промышлять. Отсюда сразу можно двоих найти, кто мог кожевнику смерти желать.

- Двоих? – удивился следователь. – Я думал, что если покойник и на любовницу руку понимал, она и не стерпела такого обращения.

- Или же кто из ее родни за нее и заступился, - подсказал прокурор.

- А ведь хорошая догадка выходит, - обрадовался Арефий Павлович. – Только бы теперь придумать, как такое проверить. Именно любовница могла тайно в дом ходить через ту калитку, чтобы как раз соседи ее и не видели. И тому, кто за нее заступился, этот же путь показала бы. Но только в том и суть, что увидеть преступника с улицы не смогли. Как же тогда искать?

- Но улица же в Затьмачье не одна, - усмехнулся Александр Николаевич. – И чужаков, кто мимо двора идет, заприметят быстрее, чем знакомцев. Вот и поспрашивать у реки, не ходил ли кто из тех, кого тут видеть и не ожидали.

- Может, еще поспрашивать тех, кто к кожевнику по делу ходил, - рассуждал следователь дальше. – Если на чью дочь или жену мужик тот глаз положил, да и сговориться с нею мог. Или так же что заметили в разговоре случайно.

- Найдем женщину, найдем и убийцу, - решил Александр Николаевич. – Да вот только разумом я понимаю, что за преступление судить надо, но чувства мои в этом деле на стороне того, кто этого кожевника по голове приложил. Мир без него чище стал.

Он расстроено всплеснул руками.

- Женщин бить! Не понимаю таких! Или же хуже, деток! Таких наказывать и надо!

- Но, к сожалению, - грустно напомнил Арефий Павлович. – Мы с вами часто с делами сталкиваемся, где именно слабые и страдают.

- Вот да! – закивал прокурор. – Как понял я, и утром сегодня та же история? Утопленница которая, тоже явно не от сытой жизни в воду кинулась.

- Не сама она, - возразил следователь и коротко пересказал все подробности, какие узнал о покойной, и все то, чем занимался для пользы расследования в течение дня.

- Ох, как! – воскликнул Александр Николаевич. – Да, это тьмацкое дело будет нам потруднее, чем то же четверговое.

Следователь скрыл улыбку. Его немного забавляло, как начальник всегда быстро придумывал расследованиям названия. Его реакции Александр Николаевич не заметил, уже во всю размышлял о новой загадке.

- Как же девицу-то не хватились еще? – недоумевал он. – Семьи, конечно, разные бывают. Но в каждой руки лишние на пользу для труда. Думаю, верная это мысль, в приютах искать. Там-то мало кто за подопечными следит. Работные дома проверить тоже дело, но тут, мне кажется, сомнительно, что результат будет. Еще постоялые дворы учесть.

- Так я уже по слободам прошел, - напомнил Арефий Павлович. – О них спрашивал обязательно.

- Но за день всю Тверь не обойдешь, - возразил прокурор. – Вы только часть Заградья проверить успели. А есть же и тоже Затьмачье, и поселения за Волгой.

- Вот тут я сомневаюсь, - осторожно заметил следователь. – Будь девица оттуда, так мы бы трупа ее и не нашли уже. По той же Волге вниз бы тело и спустили.

- Ну, да, - принял его аргумент старший чиновник. – Здесь искать. И не только саму девушку. Согласен я с вашими доводами, и со словами Евсея Борисовича, кто человек в розыске опытный. На берег девицу в исподнем на руках тащить, очень рискованно. Везли ее туда. Но кто и откуда, вот, что еще проверять надо. И тут я боюсь, не один день потратить можно. Только и вы сами, и помощник ваш полицейский, люди дотошные и ответственные. Надеюсь, повезет нам, и все же смерть девушки раскроется, найдете вы негодяя. Только бы еще с четверговым делом догадки подтвердились…

Глава пятая

После доклада прокурору вернулся Арефий Павлович к себе в контору. Вот эту часть работы своей он не любил. Ходить по улицам, с народом говорить, искать факты, да строить догадки, в этом был свой азарт, возможность ум свой к делу приложить. Отчеты же писать в этой тесной комнате, это совсем иное. Скучно и тягостно.

Поначалу подходил следователь к бумажной работе без должного старания, за что все тот же Александр Николаевич не раз его укорял и заставлял отчеты переделывать.

- Думаете мне в радость целыми днями с пером сидеть и буквы выводить? – как-то поделился с ним прокурор. – Совсем нет. Ненавижу это побольше вашего. Да только подумайте, что там, в суде, куда мы преступника отправляем, чтобы ему наказание справедливое вынести, люди другие. Всего о преступлении не знают. И только вот эти наши бумаги им всю правду поведать могут. Потому и надо составить все подробно, четко, чтобы и наш с вами труд, наше время никто не оспорил, поверил бы нашим выводам.

Как и всегда аргумент такой был разумен и справедлив. Потому Арефий Павлович смирился, стал уделять бумажной работе больше старания. Да за годы уже кое-как и свыкся с этим делом, но про себя ворчал всегда, прежде чем за отчеты садиться.

Но сегодня по его разумению все это было даже кстати. День следователя начался слишком рано, и сейчас, в пятом часу, Арефий Павлович чувствовал себя немного усталым. Тишина кабинета и спокойное сидение над бумагами казалось даже желанным: и от хлопот отдохнуть, и зря времени не потратить.

Так провел он в конторе целых два часа, прерывался лишь, чтобы налить себе жидкого чаю. Напиток безвкусный был лишь причиной иногда из-за стола ставать. Но вскоре стемнело совсем. Бывало к концу октября, на улицах уже и снег лежал, тогда все казалось светлее и даже будто бы праздничнее. Но в этот год зима задерживалась, и день закачивался темнотою плотной, когда даже при свечах уже работать тяжело.

Собрав аккуратно бумаги, убрав их привычно на нужное место на полке, отправился следователь дальше. В такое время, если не случалось еще какой беды в Твери, мог Арефий Павлович позволить себе отдых и развлечения. Сегодня это казалось своевременным и даже необходимым. Тем более была уже на вечер у него запланирована встреча.

По поступлении на службу в Твери, после дисциплины и строгости училища, да вдали от опеки родителей, Арефий Павлович вздохнул свободно, и первый год, когда не был занят своими обязанностями, старался проводить время весело. Так часто можно было встретить его за карточным столом. Играл он более не ради азарта, а только для веселья, видимо потому, часто выигрывал, но в тот же вечер мог спустить всю сумму в трактире, угощая компанию местных повес.

Так же не пропускал он концертов и выступления в театре, бывал даже на балах в собраниях. Несколько раз, Арефий Павлович в то время посещал и женщин, имевших «желтый билет», правда, опасался бывать в веселых домах, навещал девиц «бланковых», кто принимал гостей в своих квартирах.

Однако же уже спустя несколько месяцев, судебный следователь понял, что устал от светской жизни. После служебных хлопот, да оттого, что общения ему хватало, вечерами уже не тянуло снова видеть большое количество людей и веселиться. Да к тому же, степенная жизнь исключила многие расходы, что Арефию Павловичу тоже пришлось по душе. Так вскоре он отдалился от бывших приятелей, сменил круг интересов, выбирал лишь театральные премьеры и концерты, а вместо карт ходил играть на бильярде.

Из бывших товарищей Арефия Павловича по развлечениям остался с ним приятельствовать лишь один отставной штабс-капитан, кто служил так же по судейской части. Но и его в

скором времени перевели в другую губернию. Так же прежде сошелся следователь с Анатолем, титулярным советником, служившим аптекарским помощником, с кем сдружился за прошедшее время еще сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.